Н. Д. Кузнецовъ.

Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія.

Рѣчь и докладъ, прочитанные на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общ. трезвости, Обводный каналъ, 116.
1909.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1909 г.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніями

„Трезвая Жизнь".

Подъ знаменемъ вѣчныхъ завѣтовъ Христа журналъ, какъ и прежде, проповѣдуетъ трезвость плоти, трезвость духа, трезвость мысли.

Оставаясь по-старому отмѣтчикомъ и руководителемъ трезвеннаго движенія нашихъ дней, журналъ преобразовывается въ дешевый ежемѣсячникъ для семейнаго чтенія. Поэтому онъ широко открываетъ свои страницы для беллетристики и популярно-научныхъ очерковъ, для всякаго литературнаго строго отобраннаго матеріала, хотя и не носящаго односторонне-трезвенной окраски, но косвенно вліяющаго силою просвѣтительнаго и нравственнаго слова на трезвенное возрожденіе народа.

Въ своихъ статьяхъ, написанныхъ просто, но литературно, журналъ будетъ ратовать за переустройство жизни на основахъ добра и истины,— на основахъ Евангельскаго ученія. Кромѣ статей общаго характера предполагается рядъ очерковъ, практически примѣнимыхъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какъ измѣнить къ лучшему бытъ русскаго человѣка.

Въ журналъ вводятся постоянные отдѣлы:

I. Изъ текущей жизни и литературы.

II. Дѣло трезвости на Руси. (Очерки жизни и дѣятельности провинціальныхъ обществъ трезвости).

III. Лѣтопись Александро-Невскаго общества трезвости.

IV. О книгахъ. (Библіографія).

V. Переписка съ читателями.

Статьи, пригодныя для аудиторныхъ чтеній, будутъ иллюстрироваться совершенно оригинальными, составляющими новинку, *картинами свѣтового фонаря*, весьма легко и удобно обращающимися въ стекловидныя.

Журналъ даетъ въ видѣ безплатныхъ приложеній

6 выпусковъ съ картинками дѣтскаго журн. ЗОРЬКА.

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ.

ЦѢНА **ОДИНЪ** РУБЛЬ.

Адресъ редакціи: СПБ., Обводный кан., д. 116.

BL
U1

Н. Д. Кузнецовъ.

Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія.

Рѣчь и докладъ, прочитанные на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общ. трезвости, Обводный каналъ, 116.
1909.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
188
42

Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія.

(Рѣчь и докладъ, прочитанные на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ).

Позвольте мнѣ коснуться вопроса о преподаваніи Закона Божія съ той точки зрѣнія, которая, по моему мнѣнію, въ настоящее время имѣетъ особенное значеніе и которую едва-ли можно оставить безъ вниманія на всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Предупреждаю, что я буду имѣть въ виду самые старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній. На преподаваніи именно въ этихъ классахъ законоучителямъ нужно сосредоточить всю свою энергію, труды и таланты. Ужс и теперь въ Россіи много людей, а съ теченіемъ времени ихъ будетъ все болѣе и болѣе, которые заканчиваютъ свое образованіе старшими классами среднихъ учебныхъ заведеній. Поступающіе же въ высшія школы обыкновенно не получаютъ тамъ надлежащей помощи, чтобы осмыслить и углубить въ своей душѣ изученное раньше.

Кромѣ того за послѣдніе годы у насъ обнаруживается явная тенденція какъ-либо отдѣлаться отъ

богословія въ высшихъ школахъ. Одни, особенно возникающія вновь, вовсе не преподаютъ его, другія стараются помѣстить его въ разрядъ предметовъ необязательныхъ и черезъ это въ глазахъ учащихся подчеркиваютъ его неважность, третьи пытаются замѣнить богословіе исторіей религій. Въ послѣднемъ случаѣ учащійся, кромѣ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній о всякаго рода религіяхъ, конечно, не получитъ ничего. Напротивъ, не ориентировавшійся достаточно въ вопросахъ религіи и не ступившій въ этомъ отношеніи на твердый путь можетъ окончательно запутаться во всѣхъ подобныхъ историческихъ знаніяхъ, и во всякомъ случаѣ его ученіе въ высшей школѣ ничего не дастъ ему для нравственно-духовной жизни.

Считаю нужнымъ также оговориться, что я сосредоточиваю вниманіе преимущественно на принципіальной сторонѣ дѣла, которую нельзя не выдвинуть съѣзду. Уясненіе принципіальной стороны едва-ли не первая задача каждой реформы, особенно же связанной съ вопросами нравственно-духовной жизни. Правильный и согласный съ потребностями жизни принципъ обыкновенно скоро вызываетъ и дальнѣйшую, уже вполнѣ обоснованную работу для его осуществленія во всѣхъ деталяхъ и на практикѣ. Въ этомъ лучшимъ средствомъ можетъ послужить любовь къ своему дѣлу, преподавательскій опытъ и талантъ *самихъ* законоучителей.

Что такое преподаваніе закона Божія? Вѣдь это своего рода проповѣдь христіанства, обращенная къ людямъ извѣстнаго возраста и положенія. А христіанская проповѣдь по своей формѣ не есть нѣчто неизмѣнное и неподвижное, разъ навсегда отлившееся въ строго опредѣленныя рамки и спо-

собы. Однимъ изъ ея важныхъ условій является приспособляемость къ данному внутреннему состоянію людей. Этотъ, можно сказать, законъ христіанской проповѣди особенно ярко выступаетъ въ пастырской дѣятельности св. апостола Павла. Вспомните его пребываніе въ языческомъ городѣ Аѳинахъ среди людей, создавшихъ себѣ своихъ боговъ и поклоняющихся идоламъ. Движимый любовью къ этимъ людямъ и горѣвшій желаніемъ ихъ спасенія, апостолъ отыскалъ прежде всего среди всей этой, казалось-бы, безпросвѣтной массы заблужденій слѣды остатковъ истины. Взоръ апостола остановился на одномъ изъ жертвенниковъ съ надписью «Невѣдомому Богу,» а знакомство его съ греческой литературой вызвало въ его памяти указанія ихъ собственныхъ писателей на отношенія человѣка къ Богу. (Дѣянія XVII, 18—34). Эти обстоятельства изъ духовной жизни аѳинянъ и дали направленіе проповѣди апостола, при помощи которой онъ хотѣлъ пробудить въ аѳинянахъ еще болѣе возвышенныя мысли и подготовить ихъ сознаніе къ воспріятію христіанства. Произнесенная апостоломъ рѣчь въ аѳинскомъ ареопагѣ вообще должна служить образцомъ христіанской проповѣди. Въ переживаемую же нами эпоху, когда волны язычества подъ новыми формами все болѣе и болѣе снова заливаютъ міръ, намъ необходимо уже прямо пользоваться примѣромъ великаго учителя человѣчества. Мы должны съ любовью уяснять себѣ наличное состояніе людей, среди которыхъ мы призваны дѣйствовать. Намъ нужно отыскать въ ихъ душѣ, хотя бы и подъ слоемъ разныхъ заблужденій, часто едва-едва тлѣющую искру Божію и сюда направить свое вниманіе, пользуясь всѣмъ, что можетъ способствовать раздуть эту искру. Дѣйствуя

среди людей, не слѣдуетъ забывать тотъ психологическій законъ, что наше пониманіе чего-либо тѣмъ глубже и живѣе, чѣмъ больше связи можемъ мы установить между объясняемымъ и наличнымъ содержаніемъ нашей внутренней жизни.

Посмотримъ же съ этой точки зрѣнія, важность которой уясняется изъ дѣятельности самого апостола и подтверждается психологическими наблюденіями, что имѣемъ мы въ области преподаванія Закона Божія и что должны имѣть.

Я буду говорить о томъ, что происходитъ въ нашихъ школахъ обыкновенно, при среднихъ способностяхъ преподавателей и среднемъ уровнѣ ихъ пастырской дѣятельности. Обыкновенно преподаваніе Закона Божія представляетъ болѣе или менѣе близкую копію съ распространенныхъ у насъ руководствъ по церковной исторіи, по ученію о богослуженіи, съ катихизиса съ разными его дополненіями и т. д.

Но почти всѣ эти руководства были составлены при условіяхъ русской жизни, очень различныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ живемъ теперь мы. Этимъ обстоятельствомъ, мнѣ кажется, и объясняется во многомъ ихъ содержаніе и методъ. Составители нашихъ учебниковъ по Закону Божію, повидимому, имѣли въ виду, что ученики и ученицы свѣтскихъ учебныхъ заведеній растутъ въ семьяхъ, которыя должны оказывать на нихъ благотворное нравственно-духовное вліяніе, гдѣ они, такъ сказать, еще съ молокомъ матери воспринимаютъ въ свою душу первые зачатки духовной жизни, составляющей основу религіи.

Составители руководствъ, вѣроятно, были убѣждены, что при помощи семьи учащіеся будутъ введены фактически и въ церковное общеніе и по

мѣрѣ возраста будутъ дѣлаться все болѣе и болѣе сознательными и живыми членами Церкви. Отсюда, какъ изъ сокровищницы христіанской жизни, ученики и ученицы на опытѣ могутъ почерпать и все нужное для поддержанія нравственно-религіозной жизни.

Кромѣ того самыя дѣти, посѣщающія школы, вѣроятно, представлялись имъ лишь чистыми душами, не затронутыми разнаго рода антихристіанскими вѣяніями и не загрязненными слѣдами грѣховной жизни.

При такихъ предположеніяхъ становится болѣе или менѣе понятно, почему авторы учебниковъ ограничиваются лишь сообщеніемъ тѣхъ или другихъ наиболѣе важныхъ, по ихъ мнѣнію, свѣдѣній изъ исторіи Церкви, о порядкѣ и формахъ богослуженія, почему область вѣроученія замкнута ими въ опредѣленные вопросы и излагается болѣе съ внѣшней точки зрѣнія. Всѣмъ этимъ, повидимому, просто хотѣли поддержать мысли учащихся на извѣстномъ уровнѣ, казавшемся составителямъ учебниковъ необходимымъ, чтобы оттѣнить въ этомъ отношеніи требованія православія. Полученіе же всего остального для религіознаго настроенія человѣка они предоставляли, вѣроятно, на долю семьи и личнаго участія въ церковной жизни.

Такимъ образомъ, составители существующихъ руководствъ по Закону Божію, жившіе въ другое время, въ извѣстномъ смыслѣ могутъ найти оправданіе своимъ способамъ изложенія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни учащихся, предполагая, конечно, что они понимали ихъ правильно. Но, если слѣдовать этимъ руководствамъ лишь по инерціи, при современныхъ условіяхъ, не обращая достаточнаго вниманія на отличіе этихъ условій отъ

прежнихъ, то это уже не доставитъ намъ оправданія, а, напротивъ, обнаружитъ, что въ дѣлѣ проповѣди христіанства потеряно чувство дѣйствительности. А это уже одно можетъ дѣлать ее безжизненной и обрекать на безплодіе. Въ такомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, отовсюду и раздаются жалобы относительно преподаванія Закона Божія.

Итакъ, жизнь требуетъ измѣненій не только программъ, но и способовъ преподаванія. А для уясненія себѣ направленія нужныхъ измѣненій прежде всего необходимо считаться съ современной дѣйствительностью. Если постараться отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что совершается теперь въ области духовной жизни культурной части человѣчества, а въ томъ числѣ и русскаго общества, то придется не только констатировать значительныя измѣненія въ сравненіи со временемъ появленія нашихъ руководствъ, но и натолкнуться на многія новыя особенности, съ которыми едва-ли когда ранѣе нужно было считаться законоучителю.

Извѣстно, что въ наши дни господствующій духъ времени сдѣлался уже явно враждебнымъ христіанству и иногда получаетъ въ душахъ людей такую напряженную силу, что кажется, вотъ-вотъ онъ можетъ толкнуть немало людей даже и на активныя дѣйствія противъ христіанства. Духъ этотъ, сначала свившій себѣ гнѣздо въ слояхъ культурныхъ, мало-по-малу проникаетъ въ разные уголки человѣчества, а за послѣдніе годы онъ затронулъ у насъ и низшіе слои народа.

Не имѣя, конечно, возможности охарактеризовать здѣсь этотъ духъ во всѣхъ его подробностяхъ, постараемся отмѣтить хотя нѣкоторыя его черты.

Съ одной стороны духъ этотъ несетъ съ собой

разные взгляды, унижающіе человѣческую природу вообще и приравнивающіе ее къ окружающему внѣшнему міру. Люди сосредоточиваютъ свое вниманіе и придаютъ значеніе не тому, что содержится въ нашей природѣ особеннаго и своеобразнаго, а тѣмъ ея свойствамъ, которыя общи у ней съ остальнымъ міромъ. Господствующій духъ времени стремится какъ бы обезличить человѣческую природу и въ этомъ ему особенно помогаютъ, повидимому, естественныя науки, которыя уже очень сильно повліяли на сознаніе народовъ. Если кому приходилось изучать вопросъ о логическомъ образованіи естественно-научныхъ понятій, тотъ долженъ былъ убѣдиться, что именно естествознаніе и стремится отыскать во всей природѣ самое общее, образовать возможно общія понятія вещества и закона и при помощи этихъ понятій объяснять все безконечное многообразіе дѣйствительности. Извращеніе самого представленія о человѣческой природѣ съ игнорированіемъ ея высшихъ сторонъ получаетъ такимъ образомъ какъ-бы научное основаніе. Образцомъ подобнаго направленія мыслей можетъ служить, наприм., современное ученіе монизма, проповѣдуемое Геккелемъ и очень распространенное въ народныхъ массахъ.

Еще на протяженіи XIX вѣка ясно выступило стараніе подорвать значеніе почти всѣхъ высшихъ стремленій и идеальныхъ потребностей человѣка, какъ явленій реальныхъ и вытекающихъ изъ существа нашей природы, или по крайней мѣрѣ повергнуть въ сомнѣніе все то, что принято называть въ насъ божественной искрой и что составляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ и психологическихъ основаній въ дѣлѣ религіозной жизни. Въ народныхъ массахъ это отражается все боль-

шимъ и большимъ распространеніемъ матеріалистическихъ взглядовъ на жизнь. Они способствуютъ установленію тѣхъ отношеній къ жизни, которыя характеризуютъ собой, наприм., западноевропейское мѣщанство и капитализмъ и которыя съ большимъ талантомъ и остроуміемъ описаны Герценомъ.

Въ связи съ этимъ явленіемъ все болѣе и болѣе встрѣчается людей, которые уже не только не находятъ нужнымъ заботиться о своемъ нравственно-духовномъ состояніи, но чуть-ли не съ пренебреженіемъ стали относиться къ самому понятію самоусовершенствованія. У насъ въ Россіи за послѣдніе годы иногда доходитъ уже до того, что многіе съ вырождающимися мыслями о жизни, привыкшіе всѣ явленія ея оцѣнивать лишь подъ категоріями политической реакціонности или прогрессивности, прямо кричали: «долой самоусовершенствованіе—это дѣло реакціонное»!...

По общему признанію, повсюду замѣчается измельчаніе личности, «душа убываетъ», какъ выражаются иные. Отъ самой личности перестаютъ уже ожидать многаго, и всѣ надежды возлагаютъ на внѣшніе порядки жизни и перемѣну учрежденій.

Съ другой стороны, преобладающій духъ нашего времени воспринялъ въ себя всякаго рода отрицательныя отношенія непосредственно уже къ самой религіи, мало-по-малу развившіяся на почвѣ исторической жизни западной Европы, и теперь этотъ духъ пропитанъ ими чуть-ли не на подобіе того, какъ раскаленное желѣзо проникается огнемъ.

Проходящія черезъ всю исторію Европы притязанія римскаго католицизма на внѣшнее господство надъ всѣмъ міромъ и неумѣренное выдвиганіе на первый планъ іерархіи и ея сословныхъ интере-

совъ сузили въ сознаніи европейскаго общества идею Церкви и довели до смѣшенія церковности съ клерикализмомъ. Въ настоящее время дѣло дошло уже до того, что, какъ намъ передавалъ одинъ изъ членовъ Австрійскаго Рейхсрата, въ его мѣстности причисляютъ къ клерикаламъ даже людей, посѣщающихъ по праздникамъ богослуженіе въ храмѣ. На этой почвѣ легко, конечно, получили большое распространеніе соображенія, что религія поддерживается духовенствомъ въ его собственныхъ видахъ и потому быть религіознымъ, какъ учитъ духовенство, глупо, и во всякомъ случаѣ для культурныхъ людей недопустимо.

Стремленіе устроить церковную жизнь по типу государственной, съ папой въ видѣ самодержавнаго императора, съ цѣлымъ штатомъ придворныхъ въ видѣ кардиналовъ, съ церковнымъ ученіемъ и правилами въ видѣ принудительныхъ юридическихъ нормъ, съ трибуналомъ, назначавшимъ чисто внѣшнія наказанія, достигшимъ своего крайняго выраженія въ учрежденіи святой инквизиціи—все это вызвало среди культурнаго человѣчества желаніе отдѣлаться отъ Церкви. Начался процессъ секуляризаціи человѣческой личности, сопровождавшійся враждой ко всему церковному. Сначала онъ обнаружился въ области философіи и науки, а затѣмъ въ практической жизни вообще и, наконецъ, въ области религіи, въ формѣ протестантства.

На науку, высвободившуюся изъ тисковъ римскаго католицизма, естественно начали смотрѣть, какъ на нѣчто противоположное религіи, и въ сознаніи людей выросла опасная для многихъ проблема о столкновеніи науки и религіи.

Всѣмъ намъ, конечно, хорошо извѣстно, наприм., уже давнопереведенное и на русскій языкъ сочи-

неніе Дж. Вил. Дрейера: «Исторія столкновенія между религіей и наукой». Здѣсь наука выставляется, какъ истина, гонимая религіей, и при столкновеніи съ религіей, благодаря своей истинности, выходящая побѣдительницей. У читателей мало-по-малу возбуждаются непріятныя чувства, но вмѣсто обращенія этихъ чувствъ исключительно противъ невѣжества и неправильныхъ дѣйствій тогдашняго католическаго духовенства, правительства и народа, они какъ-то незамѣтно направляются противъ самой религіи и духовенства вообще. Помѣщеніе религіи и науки въ одну плоскость свидѣтельствовало, конечно, о томъ, что самое понятіе о религіи затмилось, а въ народныхъ массахъ, неспособныхъ разбираться въ подобныхъ вопросахъ, религіозная вѣра стала замѣняться вѣрой въ науку.

Если римскій католицизмъ способствовалъ извращенію церковной идеи, то протестантизмъ содѣйствовалъ уже ея полному разложенію. Перенеся центръ религіи въ отдѣльную человѣческую личность и сдѣлавъ ее саму мѣркою въ дѣлѣ религіи, протестантство разорвало у нея связь съ общественнымъ началомъ въ религіи, ясно входящимъ въ составъ христіанства, и обнаружившимся уже въ предѣлахъ исторіи.

Въ нѣдрахъ самого протестантства, какъ недавно откровенно выразился одинъ изъ его представителей во Франціи, вмѣсто одного римскаго папы образовались милліоны папъ, отъ которыхъ уже невозможно добиться какого-либо общаго рѣшенія въ вопросахъ религіи. Провозглашенная протестантствомъ свобода въ области религіи не могла найти ограниченія въ указаніи на необходимость основываться на св. Писаніи. Вѣдь его каждый можетъ понимать различно, въ зависимости отъ своего

духовнаго состоянія, да и самое св. Писаніе успѣли заподозрить въ его подлинности. Европейская религіозная мысль стала носиться по разнымъ областямъ знанія и жизни, отыскивая для себя опору. Философамъ начало казаться, что они путемъ работы мышленія могутъ установить предметы религіи. Появилось смѣшеніе религіи и философіи. Богъ превратился въ то или другое отвлеченное понятіе, ничего не говорящее ни уму, ни сердцу и ни къ чему строго не обязывающее. Возникло ученіе деизма, претендующее на разрѣшеніе основныхъ вопросовъ религіи, порожденное самимъ же протестантствомъ и, по справедливому замѣчанію Ламене, составляющее ступень въ переходѣ къ атеизму.

Въ головахъ разныхъ людей обыкновенно это отражается въ формѣ столь распространенныхъ въ наше время замѣчаній: «Да, я признаю какую-то высшую силу въ мірѣ, можетъ быть она даже и разумная, но что она такое, гдѣ и какое ея отношеніе къ намъ—доказать нельзя, да и не нужно».

Если религія сводится къ извѣстному состоянію души и критерій ея въ насъ самихъ, то возникаетъ естественный вопросъ, не есть-ли религія явленіе только субъективное, не имѣющее общаго реальнаго значенія. Вѣдь далеко не все происходящее въ насъ соотвѣтствуетъ тому, что есть въ дѣйствительности, и можетъ быть обязательно для другихъ, наприм., явленіе сна, мечты, фантазіи, и т. п. На этой почвѣ и возникаетъ ученіе Фейербаха, по которому религія есть сонъ человѣческаго духа, Богъ есть лишь понятіе, возмѣщающее недостатокъ теоріи. Религіозный человѣкъ, по мнѣнію Фейербаха, возводитъ на степень божества все, что ему импонируетъ. Религія есть первое самосознаніе чело-

вѣка. Личность Бога есть ничто иное, какъ объективированная личность самого человѣка. Не Богъ создалъ человѣка по своему подобію, а, наоборотъ, человѣкъ создалъ Бога по своему подобію.

Ученіе Фейербаха, какъ помогающее легко раздѣлываться съ религіей, оказало большое вліяніе на главныхъ представителей соціализма. Принаравливаемое ими къ обыкновенному пониманію, съ низведеніемъ религіи лишь на степень низшаго міросозерцанія, вытѣсняемаго высшимъ—наукой, оно подъ флагомъ соціализма уже значительно осѣло въ умахъ и въ тѣхъ или иныхъ формахъ вошло въ составъ современнаго мнѣнія о религіи немалаго числа людей.

Отношеніе въ Западной Европѣ къ римскому католицизму съ его духовенствомъ, распространеніе ученія соціализма и соображеній, низводящихъ религію лишь къ иллюзіи и заблужденіямъ человѣческаго духа и т. п., естественно подрываетъ въ людяхъ сознаніе религіозной цѣнности самой по себѣ и, къ удивленію, теперь нерѣдко можно встрѣтить людей, которые съ наивнымъ глубокомысліемъ примѣняютъ къ христіанству и связаннымъ съ нимъ вопросамъ критерій политической прогрессивности или реакціонности.

На ряду съ указанными теченіями среди культурнаго міра идетъ рядъ другихъ, которыя въ общемъ можно охарактеризовать какъ фальсификацію христіанства. Наиболѣе глубокое изъ подобныхъ теченій и потому болѣе опасное, вышло изъ нѣдръ самого протестантства. Въ протестантствѣ все болѣе и болѣе увеличивается число пасторовъ съ ихъ послѣдователями, которые принимаютъ христіанство съ его догматами и ученіемъ лишь насколько это допускаетъ ихъ развитая современной

культурой личность, въ самой себѣ, по протестантскому принципу, заключающая мѣрку религіи. Достаточно отдать себѣ отчетъ въ томъ состояніи, въ которомъ можетъ находиться человѣческая личность, припомнить указаніе св. ап. Павла на происходящую въ ней борьбу добра и зла, обратить вниманіе на подробное описаніе состояній и глубокихъ измѣненій личности бл. Августина, сдѣланное имъ самимъ, и мы уже заранѣе поймемъ, до чего могутъ доходить руководители новаго протестантства. Недавно одинъ изъ суперъ-интендентовъ въ Германіи въ бесѣдѣ съ однимъ изъ русскихъ прямо высказалъ, что изъ 73 подчиненныхъ ему пасторовъ, онъ едва можетъ насчитать и третью часть, которые признавали бы Христа Богомъ.

Подобнымъ же образомъ немало лицъ, принявшихъ на себя роль учителей человѣчества, извращаютъ преимущественно нравственное ученіе христіанства. По причинамъ, не выходящимъ за предѣлы ихъ ограниченной человѣческой личности съ обыкновенными ея свойствами, учителя эти вдругъ начинаютъ сводить христіанскую жизнь къ исполненію тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ заповѣдей, причемъ они не отдаютъ себѣ отчета въ ихъ необходимой связи съ другими и, повидимому, забываютъ о цѣлостномъ идеалѣ христіанской жизни и способахъ его осуществленія.

Во всѣхъ такихъ теченіяхъ остается почти одна видимость христіанства, одни слова о немъ, но оказывается выкраденнымъ самое главное — его духъ.

Ученія, прямо объявляющія себя антихристіанскими, по крайней мѣрѣ, сразу показываютъ человѣку, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Ученія же, прикрывающіяся именемъ христіанства, старающіяся

присвоить себѣ лишь его оболочку и нѣкоторыя его черты, могутъ привлекать къ себѣ и людей, которые хотятъ быть христіанами. Если эти люди не имѣютъ у себя твердаго и яснаго критерія,—а сколько современныхъ культурныхъ людей его имѣютъ!—то легко принимаютъ вмѣсто христіанства ту или другую его фальсификацію.

Въ связи съ дѣломъ реформаціи, историки ставятъ также развитіе индивидуализма, который въ послѣднее время все болѣе и болѣе завладѣваетъ мыслями людей. Сущность индивидуализма хорошо обрисовывается въ его крайнихъ выводахъ, къ которымъ приходятъ Максъ Штирнеръ и Ницше. Все сводится къ самому человѣку, и даже самое понятіе истины. «До тѣхъ поръ, пока ты вѣришь въ истину, поучаетъ Штирнеръ, ты не вѣришь въ себя, ты—рабъ, ты религіозный человѣкъ. Ты одинъ—истина или, вѣрнѣе, ты больше, чѣмъ истина, которая передъ тобой ничто». «Я не признаю никакой обязанности, говоритъ онъ, я не связываю себя и не даю себя связать. Если у меня нѣтъ никакой обязанности, то у меня нѣтъ и закона». Высшіе люди, по разъясненію Ницше, сами устанавливаютъ то, что должно быть. Они творцы цѣнностей, познаніе ихъ есть творчество, ихъ творчество законодательство, ихъ воля къ истинѣ есть воля къ власти.

Въ драмѣ Гауптмана «Потонувшій колоколъ», отражающей на себѣ философію Ницше, индивидуализмъ въ лицѣ Генриха обнаруживается въ жаждѣ свободной творческой мысли, которая должна быть отвѣтственна лишь передъ собой и совершенно безразличной къ тому, что принесетъ это людямъ, добро или зло. Эта жажда зоветъ человѣка на просторъ, побуждаетъ отбросить всякія обязательства

передъ обществомъ и даже семьей. И, наконецъ, она сливается съ потребностью языческой радости жизни, съ оргіазмомъ. Само собой ясно, какъ несовмѣстимо подобное настроеніе съ принадлежностью человѣка къ Церкви, съ принятіемъ догматической стороны христіанства и даже съ простымъ признаніемъ христіанской морали.

При такихъ условіяхъ естественно, что современный господствующій духъ заставляетъ множество людей повторять вслѣдъ за англійскимъ поэтомъ Уитманомъ: «Моя голова превыше всѣхъ библій и вѣръ, и церквей».

Вотъ приблизительно какія черты свойственны современному духу, уже достаточно затронувшему сознаніе и русскихъ людей. Съ большей или меньшей силой онъ давитъ на наши умы. Онъ кристаллизуется въ нѣкоторыхъ политическихъ партійныхъ программахъ по вопросамъ, связаннымъ съ Церковью и религіей, и черезъ это стремится и внѣшними средствами вліять на жизнь. Нечего удивляться, что духъ этотъ нерѣдко въ той или иной степени обнаруживается у самого начальства и преподавателей учебныхъ заведеній. Они часто лишь по необходимости, въ силу подчиненія высшей, «недостаточно еще прогрессивной», власти, только терпятъ Законъ Божій, считаютъ его неважнымъ и не прочь иногда устроить тѣ или иныя затрудненія для дѣятельности ревностнаго законоучителя.

Наконецъ, господствующій духъ времени естественно оказывается въ противорѣчіи съ христіанской идеей брака. Для очень многихъ современныхъ людей бракъ, въ которомъ, по условіямъ нашей жизни, всегда требуется большая или меньшая степень самоотреченія, становится повиди-

Библиотека 2

мому, уже не подъ силу. У насъ, напр., быстрыми шагами идетъ распаденіе семьи. Если бы привести всѣ основанія, какими часто руководятся въ послѣднее время люди для расторженія ихъ брака, то пришлось бы не только удивиться, но и ужаснуться. И для этого въ идеяхъ крайняго индивидуализма имъ готово уже какъ бы теоретическое оправданіе. Сколько оказалось у насъ людей, если не вполнѣ открыто, то въ глубинѣ души сочувствующихъ тенденціямъ романа «Санинъ», который получилъ было у насъ невѣроятно большое распространеніе. Этотъ распадъ семьи не можетъ не отражаться вредно на душѣ дѣтей и рано вызываетъ у нихъ сомнѣніе въ необходимости устраивать жизнь по извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ.

Кромѣ того въ рѣдкихъ изъ русскихъ семей не разыгрывается между родителями и дѣтьми та драма, которая уже давно ярко отмѣчена нашей литературой, напр., въ романѣ Тургенева: «Отцы и Дѣти», въ «Дѣтяхъ Ванюшина» и друг.

Съ ослабленіемъ христіанской жизни почти не оказывается никакихъ возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ нравственно-духовно объединять родителей и дѣтей. Обычное же отношеніе къ жизни родителей и дѣтей, естественно, неодинаково. Различіе это въ сознаніи дѣтей обыкновенно ставится родителямъ на дурной счетъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе, какъ это часто случается у насъ, падаетъ у родителей уровень нравственно-духовныхъ требованій и чѣмъ менѣе они могутъ указать какихъ-либо возвышающихъ идей и поступковъ въ своей настоящей или хотя бы и прошлой жизни. Дѣти мало-по-малу перестаютъ уважать своихъ родителей, а послѣднимъ при такихъ условіяхъ въ своихъ

отношеніяхъ къ дѣтямъ остается лишь опираться на свою родительскую власть, на болѣе продолжительный опытъ жизни и т. п., словомъ на чисто внѣшній авторитетъ, вызывающій въ душѣ дѣтей раздраженіе, а то и прямое противодѣйствіе. Дѣти нравственно-духовно отдаляются отъ родителей и замыкаются въ себѣ. Лишенные же необходимаго всѣмъ намъ благотворнаго вліянія семьи, дѣти легко становятся жертвой разныхъ господствующихъ теченій и грѣховныхъ страстей, при чемъ во всемъ этомъ, по свойству молодого возраста, они идутъ даже дальше своихъ родителей и учителей. Нечего, конечно, и разсчитывать, чтобы въ подобномъ состояніи семья могла оказывать на дѣтей хорошее воздѣйствіе въ религіозномъ отношеніи и закрѣпить связь ихъ съ Церковью.

Вотъ какова приблизительно атмосфера, въ которой приходится жить большинству учащихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Что же могутъ дать для ихъ ума и сердца, напр., отрывочныя свѣдѣнія изъ церковной исторіи, когда они ничего не вызываютъ въ душѣ, кромѣ обремененія памяти. Посмотрите, какими жалкими оказываются учащіеся, когда впослѣдствіи, или даже во время самаго ученія, имъ придется узнать о другихъ фактахъ, да еще во враждебномъ для христіанства освѣщеніи. Что можетъ сообщить учащимся знаніе догматовъ, когда въ душѣ очень слаба, а то и прямо замираетъ христіанская жизнь и когда самые догматы, по выраженію св. Іоанна Златоуста, представляются для нихъ, какъ пустые сундуки, изъ которыхъ улетѣлъ запахъ. Къ чему имъ знаніе состава и археологіи богослуженія, когда душа отвыкла и часто даже не понимаетъ молитвы!

Обычное преподаваніе Закона Божія, естественно,

не идетъ на духовный ростъ человѣка, остается въ его душѣ чѣмъ-то не усвоеннымъ организмомъ, какой-то посторонней для него примѣсью. Отсюда частыя разочарованія въ самомъ предметѣ и укорененіе на него взгляда, какъ на что-то второстепенное и неинтересное. Учащіеся въ этомъ отношеніи нерѣдко напоминаютъ тѣхъ людей, которыхъ безъ достаточнаго развитія слуха и упражненія въ слушаніи музыки заставили бы прежде всего выучивать по книгамъ одни ноты. Не удивительно, если такіе ученики не только не сдѣлались бы музыкантами, но и составили бы себѣ совершенно ложное понятіе о самой музыкѣ.

Въ дополненіе къ этому не слѣдуетъ упускать изъ виду явленіе, отмѣчаемое германскимъ ученымъ Вейнелемъ по отношенію къ нѣмецкому народу, наблюдаемое также и у насъ. Уже почти 100 лѣтъ, свидѣтельствуетъ Вейнель, какъ мы учимъ въ школахъ религіи, подобно другимъ предметамъ, и вотъ народъ сталъ думать, что религія есть нѣчто, чему можно учиться, какъ и всѣмъ другимъ наукамъ, и что въ свою очередь можно опровергнуть другими знаніями и наукой.

Итакъ, необходимы большія измѣненія въ дѣлѣ оффиціально установленнаго и обычнаго преподаванія Закона Божія.

А для этого, какъ мы видѣли, нужно еще отдать себѣ отчетъ и въ тѣхъ сторонахъ души русскихъ людей, которыя должны быть приняты въ разсчетъ при современномъ преподаваніи Закона Божія и на которыхъ должно базировать при введеніи измѣненій.

Къ счастью, въ Россіи, не исключая и души интеллигенціи, еще не погасла искра Божія, которую теперь, однако, болѣе чѣмъ когда-либо необ-

ходимо всяческими способами раздувать и особенно у людей школьнаго возраста. Медлить съ этимъ становится уже прямо преступнымъ. Пройдетъ еще одно или два поколѣнія, и можетъ быть будетъ уже поздно. Господствующій духъ стремится погасить въ людяхъ искру Божію. Поглощеніе человѣческой личности низшими интересами жизни, безразличіе къ ея высшимъ идеаламъ, равнодушіе къ христіанству, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію, могутъ образовывать въ душахъ русскихъ людей все большія и большія наслоенія, черезъ толщу которыхъ проникать будетъ все труднѣе и труднѣе... Русское общество, можетъ быть, сдѣлается похожимъ на западно-европейскихъ буржуа, для большинства которыхъ всѣ высшіе вопросы по разнымъ причинамъ просто уже не существуютъ и для пробужденія которыхъ не достаточно уже словъ, разсужденій и даже примѣровъ, а необходимы, можетъ быть, цѣлыя катастрофы, низвергающія установившіеся порядки жизни и разрушающія ходячіе взгляды и понятія.

Какъ бы ни порицали русскую интеллигенцію, а у большинства ея еще не умерли живые корни идеализма, едва-ли не свойственные и русскому національному духу вообще. Кромѣ непосредственнаго общенія съ интеллигенціей объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ русская литература въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отмѣчающая глубокія философскія и религіозныя исканія русской души. Если мы станемъ изучать эту душу, то скоро найдемъ въ ней жажду смысла жизни, тоску по идеалѣ, который давалъ бы возможность жить разумно и всей полнотой жизни. Извѣстно, какъ ярко это выставлено, наприм., въ «Исповѣди» Льва Толстого, и какую опасность можетъ представлять

для русскаго человѣка неудовлетворенность этой жажды. Едва-ли какой-нибудь другой изъ современныхъ народовъ интересуется такъ въ своей массѣ конечными вопросами бытія, какъ нашъ.

Другой характерной чертой русской интеллигенціи является, по моему мнѣнію, глубокое стремленіе къ синтезу того, что есть и что должно быть, къ синтезу реальнаго и идеальнаго. На личности русскаго человѣка, еще не погрузившагося вполнѣ въ обычные мелкіе интересы жизни, обыкновенно очень болѣзненно отражается замѣчаемое имъ противорѣчіе между существующимъ и тѣмъ, что, по его мнѣнію, должно существовать. Неудовлетворенностью именно на этой почвѣ, повидимому, и слѣдуетъ объяснять много печальныхъ явленій въ жизни нашей интеллигенціи.

Самая наука и философія по большей части интересуютъ русскихъ людей не столько своими теоретическими построеніями, логическимъ развитіемъ своихъ идей, сколько вліяніемъ всего этого на дѣйствительную жизнь и ихъ способностью устранить разладъ идеальнаго и реальнаго.

Въ отношеніи къ разнымъ теоріямъ русскій человѣкъ обыкновенно ставитъ на первый планъ не систему ея доказательствъ и не согласованіе ея съ дѣйствительностью, а прежде всего оправданіе ею своей жажды общественной дѣятельности на пользу народа, а то и всего человѣчества. Вотъ почему за послѣднее время въ Россіи политика подчинила себѣ науку и замѣчается чуть-ли не презрѣніе къ чистой наукѣ.

Этимъ же объясняется, вѣроятно, и частая смѣна крайнихъ увлеченій разными ученіями, обыкновенно идущими къ намъ изъ Европы. Мы принимаемъ ихъ скорѣе на вѣру, чѣмъ продуманно

усваиваемъ разумомъ. Мы обращаемъ ихъ въ своего рода догматы, соединяя съ ними нетерпимость ко всѣмъ другимъ. Сколько у насъ перемѣнилось, наприм., этихъ догмъ въ теченіе XIX вѣка. Въ первой его половинѣ господствовало гегельянство, въ шестидесятыхъ годахъ охватилъ умы матеріализмъ, затѣмъ народничество, а не такъ давно марксизмъ и т. п. Недостатокъ всеобъемлющаго идеала жизни, безъ котораго дѣлается какъ бы темно, естественно заставляетъ русскаго человѣка бѣжать на каждый болотный огонекъ, лишь бы онъ пообѣщалъ освѣтить ему путь. Но какъ только онъ убѣдится, что это свѣтъ недостаточный и огонекъ не надежный, онъ стремится къ другому.

Кромѣ того, въ своей рѣчи 8 Іюня 1880 г. въ память Пушкина Достоевскій высказалъ, что стать настоящимъ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите...

Эта черта, вѣроятно, и побуждаетъ русскаго интеллигента думать о распространеніи своей дѣятельности чуть-ли не на весь міръ. Русскому скитальцу, свидѣтельствовалъ Достоевскій, необходимо именно всемірное счастіе, чтобы успокоиться..... Если бы въ подобное стремленіе было вложено соотвѣтствующее нравственно-духовное содержаніе, то какую бы хорошую почву оно дало для универсализма христіанства. А теперь стремленіе это, оставленное на произволъ судьбы, вырождается во многихъ интеллигентахъ лишь въ теоретическое отрицаніе значенія національности вообще и въ презрѣніе къ своей собственной.

Уже самая серьезность отмѣченныхъ исканій не можетъ не сталкивать русскаго интеллигента съ религіозной проблеммой, выступающей изъ глу-

бины жизни. Подобно западно-европейскому среднему человѣку, наша интеллигенція не можетъ относиться къ ней равнодушно и рѣшать ее лишь теоретически безъ всякихъ послѣдствій для своей жизни. То или другое рѣшеніе религіозной проблемы сейчасъ же заставляетъ ее сдѣлать дальнѣйшіе выводы и вызываетъ на соотвѣтствующія дѣйствія. По утвержденію нигилиста Кириллова въ романѣ «Бѣсы», всю жизнь его Богъ мучилъ. «Если Богъ есть, разсуждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, то вся воля Его и изъ воли Его я не могу уйти. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволіе и въ самомъ полномъ пунктѣ, это убить самому себя безъ всякой причины для одного своеволія. Это все, поясняетъ Кирилловъ, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. (Бѣсы, ч. III, гл. VI. отд. 2). Трудно выразить лучше, что при разрывѣ души русскаго человѣка съ Богомъ въ ней открывается какая-то бездна своеволія, отъ глубины которой ему самому становится страшно. Эта бездна влечетъ его къ себѣ, можетъ быть, на подобіе того, какъ многихъ тянетъ броситься въ пропасть, если съ большой высоты они долго смотрятъ внизъ.

Эту черту русской интеллигентской души, столь глубоко раскрытую Достоевскимъ, не слѣдуетъ игнорировать, когда мы хотимъ понять горячее участіе многихъ интеллигентовъ, до пожертвованія своей жизнью, въ самыхъ крайнихъ революціонныхъ партіяхъ и объяснить себѣ ихъ рѣшимость проводить въ жизнь воспринятыя на вѣру теоріи при помощи самаго мрачнаго насилія и бомбъ.

Не менѣе ярко Достоевскій отмѣчаетъ значеніе религіозной проблеммы для русскаго человѣка

устами князя Мышкина въ «Идіотѣ». «Наши какъ доберутся до берега, какъ увѣруютъ, что это берегъ, то уже такъ обрадуются ему, что немедленно доходятъ до послѣднихъ столповъ. Отчего это? И не насъ однихъ, а всю Европу дивитъ русская страстность наша: у насъ коль въ католичество перейдетъ, то ужъ непременно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ, т. е. стало быть и мечемъ. Отчего это разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете? Оттого, что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ, и обрадовался; берегъ, землю нашелъ, и бросился ее цѣловать. Не изъ одного, вѣдь, тщеславія, не все отъ однихъ скверныхъ тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и русскіе іезуиты, а изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать перестали, потому что никогда ея не знали. Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ. И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда».

Развѣ всѣ эти черты не указываютъ, что въ душѣ русскаго человѣка еще живетъ то, что можетъ помочь ему глубоко воспринять христіанство, если современные христіанскіе дѣятели сумѣютъ примѣниться къ его духовнымъ потребностямъ.

Что русская интеллигенція еще не безнадежна для дѣла религіи, какъ теперь думаютъ иные и къ несчастью даже изъ архипастырей и пастырей, показываютъ почтенные и глубокомысленные авторы

недавно появившагося сборника «Вѣхи», которые хорошо поняли недостатки интеллигенціи и съ большой твердостью духа какъ бы призываютъ ее къ обсужденію своего нравственно-духовнаго состоянія. Авторы «Вѣхъ» ясно указываютъ на наступленіе кризиса въ сознаніи русской интеллигенціи. И неужели служителямъ христіанства не должно воспользоваться этимъ переходнымъ для интеллигенціи и удобнымъ для нихъ моментомъ, чтобы съ соотвѣтствующими и улучшенными способами своей дѣятельности начать вліять на эту среду въ тотъ важный періодъ жизни, когда у человѣка начинаютъ формироваться взгляды и сознательно укореняться тѣ или другія стремленія?

Отнюдь не должно, что, однако, дѣлаютъ теперь многіе, относиться къ русской интеллигенціи, какъ къ какимъ-то безнадежнымъ отщепенцамъ отъ великихъ истинъ христіанства или,—избави васъ Богъ отъ искушенія,—видѣть въ ней лишь политическихъ партійныхъ враговъ и умывать руки въ ея дальнѣйшей судьбѣ. Будетъ гораздо справедливѣе, да и согласнѣе съ самымъ духомъ христіанства, смотрѣть на большинство интеллигенціи просто, какъ на птенцовъ, выпавшихъ изъ гнѣзда и отыскивающихъ свою мать, которая дала бы необходимую для нихъ нравственно-духовную опору.

Въ связи со всѣмъ изложеннымъ я утверждаю, что въ предѣлахъ современной средней школы христіанство должно быть раскрыто передъ сознаніемъ учащихся, какъ необходимый идеалъ человѣческой жизни, соотвѣтствующій потребностямъ нашей природы и нашему назначенію вообще. Подобно древнимъ дѣятелямъ христіанства, называ-

емымъ апологетами, Лактанцію, Тертулліану, святому Іустину Философу и друг., старавшимся воздѣйствовать на языческое сознаніе, и намъ, оказавшимся среди міра, снова какъ бы стремящагося къ язычеству лишь въ другихъ, болѣе сложныхъ и культурныхъ формахъ, не слѣдуетъ игнорировать способы раскрытія христіанства, которыми пользовались они. Извѣстное, наприм., положеніе Тертулліана, что anima humana—natura christiana, человѣческая душа по природѣ христіанка,—не должно быть забываемо и въ наше время, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше средствъ и знаній установить его еще съ большей полнотой.

Затѣмъ учащіеся должны уяснить себѣ, что значитъ быть христіаниномъ. Они должны убѣдиться, что христіанство есть процессъ жизни, а не одно ученіе и, какъ всякій процессъ, онъ предполагаетъ постепенность. Отъ каждаго оно требуетъ поступать по мѣрѣ силъ и отнюдь не отрицается отъ человѣка, если онъ и не сразу твердо идетъ по его пути. Учащіеся необходимо должны научиться отдать себѣ отчетъ, какія главныя реальныя состоянія должны образовываться въ душѣ по мѣрѣ роста въ ней христіанской жизни, и какія средства могутъ служить для развитія этихъ состояній. Такимъ путемъ вниманіе учащихся будетъ введено въ самую глубь образованія вѣры и развитія христіанской любви къ Богу и ближнему.

Вмѣстѣ съ этимъ они могутъ увидѣть, что особенно важно въ наше время, близкую связь таинствъ съ основными потребностями и свойствами нашей природы, и таинства, можетъ быть, перестанутъ представляться имъ лишь какими-то внѣшними магическими дѣйствіями.

Вообще, при подобномъ изложеніи идеальнаго процесса христіанской жизни нравственная сторона христіанства въ силу вещей будетъ именно переплетаться съ догматической, одна другую поясняя и обусловливая. Поэтому въ нашихъ руководствахъ, можетъ быть, окажется излишнимъ обычное раздѣленіе преподаванія на вѣроученіе и нравоученіе. Уничтоженіемъ такого раздѣленія по крайней мѣрѣ не будетъ поддерживаться очень распространенное въ наше время мнѣніе, будто въ христіанствѣ нужно отдѣлять нравственность отъ догмата и можно, оставаясь христіаниномъ, слѣдовать лишь христіанской нравственности.

Кромѣ того предлагаемый способъ раскрытія христіанства могъ бы достаточно глубоко ввести сознаніе учащихся въ самое пониманіе идеальнаго и реальнаго въ области нравственно-духовной жизни. Передъ ихъ взоромъ все время разрѣшался бы съ разныхъ сторонъ вопросъ объ отношеніи между идеаломъ и наличной дѣйствительностью, которую онъ долженъ преобразовать. Процессъ реализаціи идеальнаго въ условіяхъ нашей жизни могъ бы обнаружиться передъ ними во всѣхъ своихъ главныхъ чертахъ. Свойственное русскому человѣку стремленіе къ синтезу идеальнаго и реальнаго получило бы надлежащее освѣщеніе и направленіе, а въ самомъ христіанствѣ нашло бы и свое удовлетвореніе безъ напрасной растраты его духовной энергіи и силъ.

Горячее желаніе счастья всему человѣчеству нашло бы полное осуществленіе въ универсальности христіанскаго идеала и тогда, можетъ, сдѣлалось бы яснымъ, что христіанство не отрицаетъ факта національныхъ различій, грека и іудея, а говоритъ лишь объ уничтоженіи этихъ различій

въ одномъ общемъ человѣческомъ идеалѣ, съ усвоеніемъ котораго человѣческая природа преобразовывается нравственно-духовно.

Наконецъ, раскрытіе христіанскаго идеала уяснило бы и возвысило потребности нашей личности, подняло бы въ глазахъ людей ея собственное значеніе и вмѣстѣ съ этимъ само собой разрѣшило бы для многихъ вопросъ о религіозной проблемѣ жизни. Съ другой стороны, пониманіе христіанскаго идеала въ связи съ его конкретной реализаціей предохранило бы отъ подрыва въ сознаніи нашихъ идеальныхъ потребностей и отъ смѣшенія человѣка съ остальной природой.

Убѣдившись, что христіанство именно и предназначено для нашей природы въ связи съ ея дѣйствительнымъ, реальнымъ, состояніемъ, многіе, вѣроятно, стали бы просто отвѣчать улыбкой на тѣ ученія, которыя сводятъ сущность его къ иллюзіи духа. Наконецъ, пріучившись смотрѣть на христіанство, какъ на цѣлостный идеалъ жизни, соединенный съ соотвѣтствующимъ ему дѣйствительнымъ ея процессомъ, а не какъ на исполненіе всякаго рода отдѣльныхъ заповѣдей и предписаній, люди могутъ сдѣлаться болѣе застрахованными отъ вліянія на нихъ разныхъ фальсификацій христіанства.

Нужно категорически заявить, что подобный способъ раскрытія христіанства въ сознаніе людей не будетъ чѣмъ-либо придуманнымъ нами. Онъ данъ въ самомъ Евангеліи, въ такъ называемыхъ заповѣдяхъ блаженства. На это указываетъ въ своихъ академическихъ лекціяхъ и уважаемый профессоръ С. А. Соллертинскій, вообще много помогающій своимъ слушателямъ осмысливать пріобрѣтенныя ими ранѣе познанія о христіанствѣ. По

моему мнѣнію, нужно очень благодарить С. А. Соллертинскаго, что онъ способствовалъ пробужденію мыслей въ столь важномъ направленіи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что евангельскія блаженства вовсе не заповѣди въ обыкновенномъ смыслѣ, выражающія собой то или другое предписаніе или запрещеніе относительно опредѣленнаго круга дѣйствій или желаній. Названіе ихъ заповѣдями во избѣжаніе недоразумѣній нужно было-бы оставить. Евангельскія блаженства, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые св. отцы, представляютъ изъ себя тѣ состоянія души, которыя въ ней образуются отъ исполненія заповѣдей. Въ христіанинѣ какъ разъ и должны быть въ той или иной степени всѣ состоянія, указанныя міру съ горы блаженствъ. Если бѣлый лучъ свѣта пропустить черезъ стеклянную призму, то онъ разлагается на разные составные лучи солнечнаго спектра. Соединенные вмѣстѣ они снова даютъ бѣлый лучъ. Такъ и христіанское настроеніе въ душѣ распадается на отдѣльныя состоянія, выраженныя въ блаженствахъ. И наоборотъ, развитіе въ душѣ всѣхъ этихъ состояній обращаетъ душу человѣка въ христіанскую. Съ другой стороны заповѣди блаженства—это какъ бы ступени нашего восхожденія по высокому пути христіанскаго настроенія, и они психологически взаимно связаны. Каждая изъ этихъ ступеней, какъ выражаются иные св. отцы, пролагаетъ путь къ послѣдующей и сама дополняется и углубляется ею. Развитіе христіанства въ душѣ происходитъ какъ бы концентрическими кругами, сливающимися одинъ съ другимъ.

Нечего, конечно, и говорить, что этотъ способъ раскрытія христіанства отнюдь не исключаетъ знакомства учащихся съ самимъ св. Писаніемъ, кото-

рое теперь столь необходимо въ нашей школѣ. Вслѣдствіе универсальности христіанскаго идеала раскрытію его можетъ способствовать почти безконечное разнообразіе способовъ. Законоучитель можетъ пользоваться для этого всѣмъ св. Писаніемъ, сочиненіями св. отцовъ, свѣтскими писателями и вообще всѣмъ моремъ жизни, которое въ состояніи охватить его взоръ и которымъ способенъ воспользоваться его талантъ и педагогическій тактъ.

Замѣчательно, что по мѣрѣ подобнаго уясненія христіанскаго идеала жизни, уходящаго куда-то въ безконечность, въ душѣ нѣкоторыхъ людей, какъ мнѣ приходилось наблюдать, оживало чувство безконечности, а въ сознаніе ихъ начинали уже прямо проникать лучи Божества Христова. Въ нихъ загорались объ этомъ какія-то новыя для нихъ мысли, возбуждающія вѣру въ Спасителя и куда-то прогонявшіе ихъ прежнія недоумѣнія.

Раскрытіе христіанства, какъ нормы нашей жизни, соотвѣтствовало бы стремленію русскаго человѣка найти смыслъ жизни, который могъ бы объединить собой его мысли, чувствованія, стремленія и дѣйствія и вообще создать основу для разумной жизни.

Съ этой точки зрѣнія на евангельскія блаженства, подтверждаемой и взглядами на нихъ св. отцовъ, какое духовное обѣднѣніе въ школьномъ раскрытіи христіанства поддерживаетъ нашъ катихизисъ, въ которомъ значеніе евангельскихъ блаженствъ почти стушевывается, и они отнесены лишь къ II части Катихизиса, въ отдѣлъ о христіанской надеждѣ! Надежда вовсе не является въ нихъ основнымъ моментомъ и подводить ихъ подъ это общее понятіе—значитъ сразу бросить недостаточный свѣтъ на евангельскія блаженства, имѣю-

щія великое значеніе въ дѣлѣ уясненія и воспріятія всей христіанской жизни.

Кромѣ того, мнѣ кажется, что самое раздѣленіе катихизиса на три части, на ученіе о вѣрѣ, ученіе о надеждѣ и ученіе о любви, искусственно, недостаточно соотвѣтствуетъ потребностямъ современныхъ учащихся и по меньшей мѣрѣ требуетъ пересмотра. Если не терять изъ виду дѣйствительную христіанскую жизнь, то, вѣдь, наприм., вѣра уже содержитъ въ себѣ элементъ надежды и должна соединиться съ любовью, а всѣ они взаимно проникаютъ другъ друга. Кромѣ того самая вѣра, надежда и любовь, обнаруживающіяся въ душѣ христіанина, стоятъ въ тѣсной связи и даже, можно сказать, обусловливаются развитіемъ въ человѣкѣ тѣхъ состояній, которыя указаны въ евангельскихъ блаженствахъ.

Мало этого, при такомъ построеніи катихизиса выступаетъ еще и другой важный недостатокъ въ отношеніи соотвѣтствующей потребностямъ времени постановки преподаванія Закона Божія.

Если раздѣленіе какого-либо учебнаго предмета на отдѣлы не произвольно, а должно преслѣдовать какую-либо ясно обоснованную цѣль, то по отношенію къ Закону Божію, имѣющему задачей способствовать образованію христіанскаго міросозерцанія, должно быть возможно близкое изложеніе того, чѣмъ направляется и характеризуется дѣйствительная христіанская жизнь.

Съ одной стороны христіанство обращается къ отдѣльной личности и указываетъ ей извѣстный процессъ жизни, соотвѣтствующій нашему природному назначенію. Съ другой стороны процессъ этотъ настолько широкъ и высокъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ вмѣстить его во всей

полнотѣ и чистотѣ. Вслѣдствіе ограниченности человѣческой личности и ея ненормальнаго нравственно-духовнаго состоянія христіанская жизнь не могла быть ввѣрена отдѣльнымъ людямъ. Поэтому дѣятельность, наприм., апостола Павла состояла не только въ обращеніи въ христіанство отдѣльныхъ лицъ, которые оставались бы замкнуты въ своей религіозной жизни, но во исполненіе словъ Спасителя: созижду Церковь Мою, простиралась и на образованіе чего-то общаго въ христіанствѣ, какого-то опредѣленнаго коллективнаго цѣлаго. Это коллективное цѣлое должно было прочно укрѣпиться среди человѣчества и сдѣлаться хранительницей того процесса жизни, который принесло христіанство. Отсюда ясно, что христіанство въ его полнотѣ отнюдь не можетъ выражаться лишь въ извѣстной жизни, замыкающейся въ предѣлахъ человѣческой личности и почерпающей все изъ самой себя. Необходимый моментъ въ христіанскомъ настроеніи составляетъ и переживаніе дѣйствительнаго участія въ общей жизни того коллективнаго цѣлаго, которое въ видѣ огромнаго организма съ корнями и стволомъ въ лицѣ Спасителя и апостоловъ выступаетъ изъ глубины вѣковъ и называется Церковью. Вотъ почему св. ап. Павелъ ясно указываетъ необходимость для христіанина кромѣ извѣстной заботы о своей личности быть *живымъ членомъ Церкви.*

Такимъ образомъ вполнѣ ясно, что на ряду съ раскрытіемъ христіанства, какъ идеала человѣческой жизни, необходимо съ неменьшей силой выдвинуть и заключающуюся въ немъ церковную идею. Этимъ сразу можно было бы оттѣнить, что спасеніе человѣка черезъ христіанство происходитъ, такъ сказать, въ двухъ направленіяхъ: черезъ

усовершенствованіе зараженной грѣхомъ личности и живое участіе ея въ жизни Церкви, какъ необходимой для него средѣ.

Кромѣ того изъ сдѣланныхъ мной краткихъ намековъ на процессъ образованія современнаго господствующаго духа не трудно было замѣтить, что развитіе этого духа происходило въ связи съ затемненіемъ въ сознаніи людей правильнаго понятія о Церкви. Поэтому возстановленіе въ сознаніи современнаго человѣка церковной идеи во всей ея широтѣ и полнотѣ является теперь основнымъ вопросомъ въ области религіи.

Какъ по вопросу о христіанскомъ идеалѣ важно показать его тѣсную связь съ потребностями человѣческой природы вообще, такъ и въ отношеніи къ церковной идеѣ должна быть обнаружена ея необходимость для дѣла христіанства на землѣ, вытекающая, кромѣ того, и изъ свойствъ нашей природы. Очень полезно раскрыть, что въ составъ христіанства входитъ не только личное, но и своего рода общественное начало, которымъ теперь такъ много привыкли заниматься. Христіанство въ этомъ смыслѣ представляетъ изъ себя гармоническое сочетаніе начала личнаго и общественнаго, какъ бы величайшій организмъ, гдѣ каждый членъ, живя своей жизнью, получаетъ соки отъ общаго корня и способствуетъ поддержанію и развитію жизни всѣхъ другихъ членовъ и цѣлаго организма.

Такой концепціей можетъ быть удалось бы предохранить умы отъ натиска на нихъ индивидуализма въ области религіи. Въ этомъ отношеніи нужно обращать особое вниманіе на сопоставленіе христіанства и отдѣльной человѣческой личности, какъ бы высока она ни была. Уже въ силу своего величія и широты и сообщенія людямъ безконеч-

наго идеала и процесса жизни, христіанство не могло быть воспринято при обыкновенныхъ условіяхъ отдѣльными, ничѣмъ не связанными людьми. Оно могло быть передано лишь Церкви, какъ непрерывному цѣлому обществу со смѣняющимися поколѣніями, какъ извѣстному организму, растущему на протяженіи вѣковъ и имѣющему свое основаніе во Христѣ и апостолахъ. Для сознанія, введеннаго въ сферу подобныхъ мыслей, становится также яснымъ, что истинная религія можетъ и должна опираться прежде всего на откровеніе и не можетъ быть придумана никѣмъ изъ людей.

Въ настоящее время много недоумѣній происходитъ также отъ недостаточнаго пониманія процесса реализаціи церковной идеи въ окружающемъ внѣшнемъ мірѣ. Для русскихъ людей, которые, какъ мы говорили, особенно склонны искать синтеза идеальнаго и реальнаго, это обстоятельство часто служитъ большимъ камнемъ преткновенія. Прислушайтесь только къ голосамъ жизни, и вы увидите, что недостаточное разъясненіе этой стороны прямо способствуетъ отдаленію людей отъ Церкви и непониманію ими ея важныхъ интересовъ.

Поэтому необходимо показать, что требовалось для реализаціи церковной идеи, какъ происходила эта реализація въ исторіи, какъ противостояла она напору всякаго рода враждебныхъ силъ и вышла въ своемъ настоящемъ видѣ изъ глубины вѣковъ. Задачей и средней школы должно быть не сообщеніе возможно большаго количества всегда болѣе или менѣе отрывочныхъ фактовъ и данныхъ изъ церковной исторіи, а именно изученіе реализаціи церковной идеи на протяженіи вѣковъ. Съ вопросомъ о реализаціи полезно было-бы связать и раскрытіе догматической стороны христіанства, а въ ней

оттѣнить ученіе объ іерархіи, обусловливаемое состояніемъ человѣческой природы. Догматическая сторона христіанства, возбуждающая теперь много сомнѣній и даже вражды, раскрываемая съ одной стороны въ связи съ разъясненіемъ христіанскаго идеала жизни, а съ другой въ связи съ реализаціей церковной идеи, можетъ быть для многихъ перестала бы казаться излишней, искусственно навязанной Церкви вслѣдствіе начавшагося развиваться въ ней духа формализма.

По обстоятельствамъ мѣста и времени, конечно, я не имѣю возможности развить здѣсь всѣ эти соображенія въ достаточной полнотѣ, а долженъ ограничиться скорѣе намеками... Во всякомъ же случаѣ въ Катихизисѣ Филарета вопросъ о Церкви какъ-то мало выдвинутъ. Эта важная сторона христіанскаго ученія, имѣющая самостоятельное значеніе, раскрывается лишь попутно въ первой части Катихизиса въ ученіи о вѣрѣ. Самое понятіе о Церкви, сообщаемое въ Катихизисѣ и составляющее главный вопросъ нашего времени въ области религіи, очень формально и мало говоритъ уму и сердцу современнаго человѣка, отдаляющагося отъ Церкви и отвергающаго даже ея необходимость. Вопросъ же о реализаціи церковной идеи въ Катихизисѣ почти и не затронутъ, и на этотъ счетъ тамъ есть лишь слабые намеки.

Удачное положительное раскрытіе христіанства на почвѣ указанныхъ идей всего скорѣе и могло бы способствовать образованію въ душѣ современныхъ людей цѣлостнаго христіанскаго міросозерцанія, что, какъ призналъ и самъ съѣздъ, должно входить въ задачи преподаванія Закона Божія въ средней школѣ.

Этимъ путемъ лучше всякихъ апологетикъ и

опровергающихъ споровъ съ враждебными теченіями можно охранить сознаніе людей отъ разнаго рода антихристіанскихъ натисковъ и вліяній. Апологетика должна быть предоставлена на усмотрѣніе законоучителя, и во всякомъ случаѣ это средство лишь вспомогательное въ зависимости отъ данныхъ условій. Если подъ апологетикой понимать способы защиты христіанства противъ разныхъ преходящихъ научныхъ теорій и взглядовъ, установившіеся въ Западной Европѣ, то законоучитель просто не въ силахъ слѣдить за появленіемъ этихъ теорій, да и едва-ли можетъ въ нихъ разбираться. Онъ все равно не въ состояніи узнать всѣхъ враждебныхъ христіанству теченій, размножающихся при теперешнихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ грибы послѣ дождя. Кромѣ того, погружаясь въ область подобной апологетики, законоучитель можетъ пріучить учащихся постоянно выдвигать проблему столкновенія религіи и науки, не существующую для правильнаго религіознаго сознанія. Часто апологетизируя, законоучитель волей-неволей долженъ вращать мысли по разнымъ религіознымъ вопросамъ въ той плоскости, въ которой находится наука, а этимъ путемъ нетрудно будетъ зародить въ головѣ иныхъ учащихся основное невѣрное соображеніе, что религія и наука лежатъ, такъ сказать, въ однѣхъ плоскостяхъ, а потому наука можетъ собой опровергать религію. Подготовить въ душѣ почву для твердой сознательной вѣры, особенно необходимой для всѣхъ въ наше время, которая дѣлала бы человѣка способнымъ самому разбираться въ разнаго рода антихристіанскихъ теченіяхъ, можно лишь путемъ развитія и углубленія въ душѣ христіанской жизни и положительныхъ о ней понятій.

Но вообще для возможно плодотворнаго преподаванія Закона Божія и укрѣпленія нравственно-духовнаго положенія самого учителя необходимо, конечно, и улучшеніе нашей церковной жизни, необходимо, чтобы законоучители нравственно-духовно объединились съ мірянами и епископами. А начало этому долженъ положить ожидаемый соборъ Русской Церкви. Пожеланіемъ скораго созыва собора и слѣдовало первому всероссійскому съѣзду законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній закончить свои занятія.

По поводу съѣзда законоучителей.

Первый всероссійскій съѣздъ законоучителей, происходившій въ Петербургѣ съ 20 по 31 іюля сего года, оказался организованнымъ по тому же типу, какъ и предшествовавшіе ему съѣзды, миссіонерскій и монашескій. Подобно этимъ послѣднимъ и съѣзду законоучителей не было предоставлено какого-либо рѣшающаго значенія, и всѣ ихъ постановленія носятъ лишь совѣщательный характеръ. Св. Синодъ можетъ просто игнорировать тѣ постановленія, съ которыми онъ не согласится. И вотъ, не смотря на это, участвующіе на всѣхъ этихъ съѣздахъ лица по какой-то невидной для обыкновеннаго взгляда мѣркѣ подвергались строгой сортировкѣ. На однихъ высшее духовное начальство во всѣхъ отношеніяхъ, повидимому, полагалось болѣе, и имъ было предсотавлено право рѣшающаго голоса, очень странное право въ виду совѣщательнаго характера самихъ съѣздовъ!

Отъ другихъ, вѣроятно, не ожидали такой пользы и мудрости, и они были допущены лишь съ голосомъ совѣщательнымъ. Нечего, конечно, и говорить, что свойство рѣшающаго голоса сообщало членамъ съѣзда ничто иное, какъ самый фактъ назначенія ихъ церковной властью.

Въ статьѣ: «По поводу монашескаго съѣзда», мы уже указывали на странность примѣненія подобнаго раздѣленія голосовъ для обсужденія дѣлъ церковныхъ, и на явные пережитки въ этомъ столь подчинившаго себѣ наши мысли прежняго бюрократическаго строя. Вслѣдствіе подобной организаціи законоучительскаго съѣзда, наприм. такой талантливый ученый, какъ заслуженный профессоръ прот. С. А. Соллертинскій, имѣющій большой опытъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія и много интереснаго сообщившій на съѣздѣ, оказался лишь съ голосомъ совѣщательнымъ. Когда при отобраніи голосовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ по какому-то вопросу ему пришлось выйти изъ залы засѣданія съѣзда, то всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко, и многіе выражали порицаніе порядкамъ организаціи съѣзда.

Немалый недостатокъ съѣзда составило также желаніе высшей церковной власти обратить его въ сословный. Кромѣ законоучителей изъ духовенства на съѣздъ вообще не были приглашены интересующіеся дѣломъ свѣтскіе лица. Если же на съѣздѣ и сказалось 2 — 3 лица свѣтскихъ, то они были допущены лишь по особому распоряженію и скорѣе, какъ исключеніе, но этого, конечно, было недостаточно. Между тѣмъ, если обсужденіе церковныхъ дѣлъ вообще требуетъ большаго или меньшаго участія разныхъ членовъ Церкви, то по вопросамъ преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ

школахъ участіе именно свѣтскихъ лицъ могло бы быть особенно полезнымъ. Съѣздъ могъ бы услышать отъ нихъ много такого, чего сами законоучители въ силу своихъ профессіональныхъ обязанностей и положенія въ обществѣ, въ качествѣ духовныхъ лицъ, могутъ не замѣтить и не продумать съ той стороны, какъ люди свѣтскіе.

Намъ хорошо извѣстенъ, напр., одинъ уважаемый и преданный Церкви общественный дѣятель, имя котораго назвать безъ его согласія мы не считаемъ себя вправѣ. Онъ очень глубоко перечувствовалъ недостатки нашего преподаванія Закона Божія и рѣшился самъ лично обучать своихъ дѣтей Закону Божію. На этой почвѣ онъ пришелъ къ разнымъ соображеніямъ объ измѣненіяхъ въ самыхъ способахъ преподаванія. Приглашеніе на съѣздъ законоучителей такого лица навѣрное лишь послужило бы ему на пользу.

Что свѣтскія лица не лишены способности разбираться въ вопросахъ преподаванія Закона Божія, показываетъ, наприм., очень полезная въ этомъ отношеніи дѣятельность уважаемаго Б. И. Гладкова, который принималъ участіе на съѣздѣ. Его руководства по священной исторіи обращаютъ на себя вниманіе. Одинъ изъ преданныхъ своему дѣлу законоучителей на съѣздѣ высказалъ въ бесѣдѣ съ нами, что книжка Б. И. Гладкова «Нагорная проповѣдь», составляющая главу изъ его болѣе обширнаго труда «Толкованіе Евангелія», по своей простотѣ и ясности заставляетъ его прямо пользоваться ею и очень помогаетъ, наприм., въ дѣлѣ разъясненія ученія Толстого относительно дѣйствительнаго христіанства.

Кромѣ того самое объявленіе о съѣздѣ законоучителей во многія мѣста Россіи пришло слишкомъ

поздно, и назначеніе немалаго числа членовъ состоялось почти передъ его открытіемъ. Вообще къ съѣзду не имѣли возможности приготовиться, какъ должно. Многіе же не успѣли даже и пріѣхать. Изъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, наприм., изъ Сибири, совсѣмъ не было представителей, а потому и самый съѣздъ не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ всероссійскимъ.

Въ такой обширной и сложной странѣ, какъ Россія, въ которой кромѣ того церковная власть стоитъ далеко отъ духовенства и народа, самая организація съѣзда имѣетъ важное значеніе. На съѣздахъ, собираемыхъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ, которыя въ той или иной степени не могутъ не затрогивать каждаго живого члена Церкви, должна быть представлена возможность обнаруженія духовныхъ силъ, хранящихся въ обществѣ, и притокъ на съѣздъ этихъ силъ не только не долженъ быть затрудненъ, но всячески облегченъ. Отъ этихъто людей изъ общества и духовенства, при теперешнихъ условіяхъ, едва-ли даже и извѣстныхъ нашему церковному управленію, всего скорѣе и можно ожидать столь необходимыхъ въ наше время независимыхъ мнѣній и наиболѣе живыхъ мыслей. Лица свѣтскія часто даже и не подозрѣваютъ, какъ можетъ стѣснять иногда духовенство ихъ подчиненное положеніе относительно епископовъ и высшаго церковнаго управленія. Мы можемъ констатировать это между прочимъ изъ своихъ наблюденій во время съѣздовъ: миссіонерскаго въ Кіевѣ и законоучительскаго въ Петербургѣ.

Поэтому, если св. Синодъ желаетъ возможно широкаго и независимаго обсужденія разныхъ вопросовъ на собираемыхъ имъ съѣздахъ, то организація всѣхъ ихъ должна происходить иначе. Во

всякомъ же случаѣ св. Синоду слѣдовало бы пересмотрѣть способы организаціи съѣздовъ, повидимому, начавшіе устанавливаться у насъ со времени миссіонерскаго съѣзда 1908 года въ Кіевѣ, на которомъ очень ясно сказалось прежнее бюрократическое вліяніе и во многихъ подчеркивалось какое-то недовѣріе къ живымъ и независимымъ церковнымъ силамъ даже изъ числа самихъ миссіонеровъ и духовенства. Устроители миссіонерскаго съѣзда въ своемъ усердіи ослабить свободу мнѣній додумались, наприм., до того, что лица, не назначенные въ члены съѣзда епархіальными епископами и получившіе лишь право совѣщательнаго голоса, лишены были возможности говорить въ большомъ залѣ, въ общихъ собраніяхъ съѣзда, и должны были ограничиваться лишь разговорами въ меньшихъ комнатахъ, въ засѣданіяхъ отдѣльныхъ его комиссій. Вотъ какъ понято было значеніе совѣщательнаго голоса, да еще на совѣщательномъ съѣздѣ! На многихъ лицъ все это произвело непріятное впечатлѣніе и вызвало въ обществѣ недовѣріе къ работамъ съѣзда.

Нѣкоторые члены такъ и не могли свободно высказаться, и иныя постановленія съѣзда оказались не соотвѣтствующими его настроенію. Программа занятій съѣзда законоучителей вся заранѣе была составлена и заковывала его мысли въ опредѣленные вопросы, и притомъ скорѣе второстепеннаго и болѣе частнаго характера съ тенденціей возможно болѣе регламентировать дѣйствія законоучителей. Она почти не касалась вопросовъ принципіальныхъ, выдвигаемыхъ современными условіями жизни и очень важныхъ именно для такой дѣятельности, какъ законоучительская. Съѣздъ былъ вынужденъ лишь разсуждать о разнаго рода част-

ныхъ измѣненіяхъ на прежней основной почвѣ, наприм., что въ какомъ классѣ, въ какомъ порядкѣ преподавать, и т. д. И только благодаря задержкѣ работъ въ отдѣльныхъ комиссіяхъ съѣзда и терпимости и безпристрастію предсѣдателя съѣзда епископа Тобольскаго Антонія, съѣзду удалось затронуть на общихъ его собраніяхъ и нѣкоторые принципіальные вопросы. По отзывамъ большинства, эти 2—3 собранія были наиболѣе интересными и пробуждающими мысль. Они немало способствовали даже поднятію съѣзда въ глазахъ общества.

Общество убѣдилось, что съѣздъ законоучителей по своему настроенію очень интересуется принципіальной стороной законоучительской дѣятельности, а не однимъ жалованіемъ и другими внѣшними правами, какъ начало было думать общество и писать газеты.

Въ общемъ по поводу только-что окончившагося перваго съѣзда нужно отмѣтить, что законоучители могутъ представлять изъ себя большую нравственно-духовную силу, которую слѣдуетъ оберегать не только Церкви, но и русскому государству, пока оно еще окончательно не помѣстило возрастившую его Православную Церковь въ разрядъ всякаго рода частныхъ обществъ, въ родѣ промышленныхъ, торговыхъ, ученыхъ и т. п. Къ сожалѣнію, сила эта раздроблена и не встрѣчаетъ достаточной поддержки, не только въ обществѣ, начальствѣ и другихъ преподавателяхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, но и у нѣкоторыхъ епископовъ. Оказывается, что при возникновеніи недоразумѣній съ учебнымъ начальствомъ, и нерѣдко на почвѣ ревностной дѣятельности законоучителя, иные архіереи сразу становятся на сторону учебнаго начальства и накладываютъ на законоучителя штемпель: «безпокой-

ный», «неуживчивый» и т. п. Ревность, не нашедшая поддержки даже у архипастыря, естественно, у многихъ начинаетъ погасать...

Поэтому нужно очень привѣтствовать постановленіе съѣзда о необходимости образованія всюду, гдѣ возможно, союзовъ законоучителей, чему примѣръ уже положенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, благодаря содѣйствію архіепископа Нижегородскаго Назарія. Такіе союзы, конечно, могутъ способствовать не только нравственно-духовному объединенію законоучителей, но и увеличатъ ихъ средства для знакомства съ потребностями общества, литературой и т. д. Не нужно только замыкать эти союзы въ предѣлахъ одного духовенства и слѣдуетъ допускать участіе въ нихъ и свѣтскихъ лицъ, интересующихся дѣломъ.

На съѣздѣ чувствовалось присутствіе многихъ лицъ, преданныхъ своему призванію. По своему опыту они ввели уже тѣ или другіе измѣненія въ установившіеся оффиціальные пріемы преподаванія Закона Божія. Одни, наприм., уже положили въ основаніе своего преподаванія изученіе самаго св. Писанія, и достигали успѣховъ. Другіе для предохраненія увлекающихся умовъ учащихся стараются отвѣчать на многочисленные запросы современной человѣческой мысли, подавленной вѣрой въ разныя научныя теоріи и взгляды и, конечно, должны употреблять на это немало труда и времени. Желаніе быть на высотѣ своего призванія заставляло иныхъ участниковъ съѣзда возбуждать вопросъ объ организаціи особыхъ курсовъ для законоучителей, на которыхъ они могли бы ознакомиться съ потребностями апологетики и разными современными вѣяніями.

Люди не только молодые, но и очень почтен-

наго возраста, оказались готовы сдѣлаться даже учениками, чтобы только пополнить свои знанія и стать болѣе полезными въ своей дѣятельности!

Если принять во вниманіе, что участники съѣзда явились безъ предварительнаго подготовленія и на самый съѣздъ было почему-то опредѣлено всего лишь 10 дней, изъ которыхъ по русскому обыкновенію три оказались праздничными, то уже по этимъ причинамъ съѣздъ не могъ сдѣлать многаго.

Но очень важно, что съѣздъ въ томъ или другомъ отношеніи констатировалъ недостатки установившихся способовъ преподаванія Закона Божія и тѣмъ нѣсколько разсчиститъ путь для введенія разныхъ измѣненій и дополненій.

Не удовлетворяющимъ всѣмъ потребностямъ преподаванія Закона Божія былъ признанъ даже катихизисъ Филарета, который еще не такъ давно считался чуть-ли не одной изъ твердынь православнаго ученія, и указаніе на его непригодность могло разсматриваться чуть-ли не какъ на признакъ уклоненія отъ православія.

И замѣчательно, что первымъ членомъ съѣзда, высказавшимся о недостаткахъ катихизиса, оказался почтенный протоіерей Розановъ, который уже около 50 лѣтъ занимается преподаваніемъ Закона Божія въ Петербургѣ и который зналъ самого митрополита Филарета. Въ своемъ докладѣ прот. Розановъ разъяснилъ, что катихизисъ Филарета вовсе не символическяя книга, какъ думаютъ иные, а просто учебникъ, который можетъ требовать измѣненій. Хотя въ началѣ доклада прот. Розановъ и старался отдать дань своего уваженія митрополиту Филарету и распространенному у насъ преклоненію передъ его мнѣніями и дѣйствіями, заявивъ даже, что митрополитъ Филаретъ не можетъ быть

превзойденъ, но тѣмъ не менѣе, какъ будто даже въ противорѣчіе съ этимъ, предложилъ съѣзду просить о назначеніи преміи за переработку катихизиса.

Далѣе, съѣздъ призналъ необходимымъ знакомить учащихся непосредственно съ самимъ св. Писаніемъ и высказалъ, что задача преподаванія Закона Божія отнюдь не ограничивается сообщеніемъ учащимся разныхъ свѣдѣній, но состоитъ въ способствованіи образованію цѣлаго христіанскаго міросозерцанія. На эту именно задачу часто обращалъ вниманіе по разнымъ случаямъ предсѣдатель съѣзда.

Наконецъ на съѣздѣ не мало говорили по вопросу о введеніи апологетики, при чемъ одни стояли за это, а другіе, въ томъ числѣ и мы, указывали, что апологетика лишь вспомогательное средство, а главное вниманіе должно быть обращено на положительное раскрытіе христіанства.

По нашему мнѣнію, развитіе апологетики на Западѣ во многомъ объясняется распространеніемъ крайняго индивидуализма въ области религіи и протестанской безпомощностью бороться съ невѣріемъ на твердой почвѣ общехристіанскаго сознанія и вѣры. Въ православной же Церкви есть болѣе надежный путь. Вопросъ объ апологетикѣ во многихъ случаяхъ всего лучше предоставить на усмотрѣніе самого законоучителя въ зависимости отъ условій его дѣятельности, но не дѣлать ее обязательной вездѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ разныхъ другихъ, законоучителямъ должно предоставить извѣстную самостоятельность и освободить ихъ отъ бюрократическаго давленія разныхъ ревизоровъ и экзаменаторовъ. Эти господа, какъ слышалось на съѣздѣ, не взирая ни на какія возвышенныя основныя задачи законоучителя, въ родѣ

развитія цѣлаго христіанскаго міросозерцанія и т. п., часто требуютъ отъ учащихся прежде всего грамофоннаго знанія текстовъ и всякаго рода археологическихъ, хронологическихъ и фактическихъ свѣдѣній. А если учащіеся не удовлетворяютъ въ этомъ ревизора или экзаменатора, то законоучитель къ своему званію преподавателя легко получаетъ прилагательное «неспособный», съ которымъ ему уже не такъ удобно продолжать свою дѣятельность. Нашему высшему церковному управленію нужно немедленно обратить вниманіе на это обстоятельство, не слишкомъ довѣрять чисто внѣшнему отношенію г. г. ревизоровъ и экзаменаторовъ къ результатамъ такой нравственно-духовной дѣятельности, какъ законоучительская, и разъяснить имъ основныя требованія отъ современнаго преподавателя Закона Божія. Повидимому, преимущественно подъ вліяніемъ установленной заранѣе программы съѣздъ слишкомъ много останавливалъ вниманіе на разныхъ внѣшнихъ правилахъ для законоучителя и учащихся, которые могли бы помогать его пастырской дѣятельности въ школѣ. Напримѣръ, онъ призналъ обязательнымъ посѣщеніе учащимися богослуженія въ школьномъ храмѣ и исповѣдь у его настоятеля, законоучителя, за исключеніемъ особо уважительныхъ случаевъ. Намъ кажется, что все это никакъ нельзя дѣлать строго обязательнымъ. Почему учащіеся съ такимъ же успѣхомъ не могутъ ограничиваться посѣщеніемъ богослуженія въ другихъ храмахъ, гдѣ и служба можетъ быть лучше и пастырь болѣе горитъ духомъ? Обязательное посѣщеніе школьнаго храма всѣми учащимися напротивъ можетъ содѣйствовать охлажденію къ нему. Кромѣ того, вѣдь, нерѣдко ученики и ученицы дурно дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи

другъ на друга и начинаютъ даже стѣснять расположенныхъ къ молитвѣ. Учащіеся, способные молиться въ обыкновенномъ храмѣ, гдѣ ихъ мало знаютъ, теряютъ это настроеніе, когда ихъ сотоварищи поступаютъ иначе.

Точно также по вопросу объ обязательной исповѣди у законоучителя нужно помнить, что по отношенію къ учащимся законоучитель не является только обыкновеннымъ пастыремъ, но и членомъ учебной корпораціи и педагогическаго совѣта.

Обязать открывать свою душу такому лицу, особенно когда въ ней есть прегрѣшенія противъ него же, да еще учащихся старшихъ классовъ, едва-ли не послужитъ въ иныхъ случаяхъ искушеніемъ для слабой совѣсти. Кромѣ того, вѣдь, и законоучителя бываютъ разные. Вообще въ такихъ нравственно-духовныхъ отношеніяхъ, какія предполагаются у пастыря съ пасомыми, нужно избѣгать давленія внѣшнихъ правилъ и предоставлять болѣе на долю нравственно-духовнаго вліянія самого пастыря.

На съѣздѣ затѣмъ очень обострился вопросъ о совмѣщеніи приходской дѣятельности съ преподавательской. Но въ виду разнообразія Россіи развѣ можно всюду установить одни порядки? Въ Москвѣ, напр., есть приходы съ 10—12 домами, и священникъ имѣетъ полную возможность заниматься и преподаваніемъ. Кромѣ того преподаваніе въ школѣ, какъ указывали иные, полезно для самого пастыря, заставляя его слѣдить за литературой и изучать многое, что иначе осталось бы безъ вниманія. Законоучительская дѣятельность можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ приходской и наоборотъ. Вообще вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшаемъ въ зависимости отъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, а не одинаково для всей Россіи.

Намъ показалось также страннымъ, что въ интересахъ сближенія епископа и законоучителя съѣздъ высказался за предоставленіе утвержденія законоучителей мѣстному епархіальному архіерею. Какъ бы ни былъ высокъ въ своей пастырской дѣятельности законоучитель, по своему положенію въ школѣ, въ качествѣ преподавателя, онъ все же является чиновникомъ того вѣдомства, въ которомъ служитъ, отъ котораго получаетъ жалованіе, пенсію и т. п. Поэтому странно предоставить окончательное утвержденіе его, какъ чиновника, наприм., Министерства народнаго просвѣщенія, епархіальному епископу, лицу другого вѣдомства. Для участія архіерея въ дѣлѣ назначенія законоучителей, какъ преподавателей, достаточно самаго посвященія законоучителя въ священный санъ и согласія архіерея на назначеніе его въ ту или другую школу. А окончательное утвержденіе является лишь формальнымъ актомъ. Конечно, само по себѣ оно не объединитъ епископа и законоучителя, а положеніе законоучителя въ учебномъ заведеніи можетъ сдѣлать запутаннымъ.

При обсужденіи разныхъ недостатковъ и потребностей современнаго преподаванія Закона Божія съѣздъ законоучителей, все же включавшій въ себѣ наиболѣе культурныя силы русскаго духовенства, не послѣдовалъ примѣру съѣздовъ миссіонерскаго и монашескаго и не обошелъ молчаніемъ естественный вопросъ о связи законоучительской дѣятельности съ общимъ состояніемъ русской церковной жизни. Упорядоченіе и оживленіе церковной жизни, начала которымъ мы ожидаемъ отъ Собора, само по себѣ должно благопріятно отразиться на этой дѣятельности. Поэтому съѣздъ выразилъ пожеланіе скораго созыва Собора, а почтенный пред-

сѣдатель заявилъ, что онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія св. Синода.

На послѣднемъ общемъ собраніи съѣзда раздавались справедливые голоса о необходимости не ограничиваться первымъ съѣздомъ, а собирать и послѣдующіе съ объявленіемъ объ этомъ однако заранѣе, чтобы участники будущихъ съѣздовъ могли къ нимъ подготовиться и имѣть совѣщаніе по возможности со всѣми законоучителями.

Итакъ, только что окончившійся съѣздъ законоучителей, несмотря на его разные недостатки, нужно привѣтствовать. Онъ явился первой попыткой на пути установленія новыхъ порядковъ для разрѣшенія важныхъ вопросовъ преподаванія Закона Божія, которые ранѣе обсуждались тайно, въ разныхъ бюрократическихъ комиссіяхъ.

Съѣздъ обнаружилъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто его видѣлъ близко, что въ душѣ законоучителей вообще еще далеко не погасла ревность, какъ однако готовы думать теперь нѣкоторые.

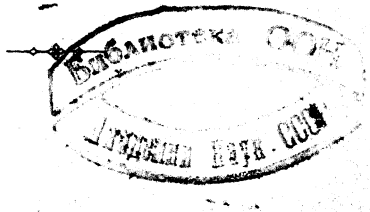
Но, конечно, пора и намъ всѣмъ перестать быть младенцами и сваливать все на однихъ законоучителей. Обществу и государству необходимо оберегать эту ревность и всячески облегчать условія дѣятельности законоучителей, не исключая и улучшенія ихъ матеріальнаго и правового положенія.

Послѣднее отрицать могутъ или мечтатели, потерявшіе чувство дѣйствительности, или люди не расположенные къ духовенству, сами нерѣдко умѣющіе хорошо наживаться, а по адресу духовенства пишущіе разсужденія и фельетоны на тему о ничтожности матеріальныхъ благъ и о величіи сокровищъ духа. Нечего, конечно, и говорить, что отъ подобныхъ писателей часто такъ и отдаетъ какой-

то фальшивостью, граничащей съ лицемѣріемъ, и подрывающей значеніе всѣхъ ихъ писаній.

Законоучитель, возможно менѣе встрѣчающій вредныхъ вліяній со стороны лицъ враждебныхъ къ христіанству, въ числѣ которыхъ оказываются иногда другіе преподаватели и даже учебное начальство, и достаточно обезпеченный съ своей семьей, подобно всякому обыкновенному человѣку, естественно получитъ больше возможности спокойнѣе и ревностнѣе отдаваться своей важной для общества и государства дѣятельности. А дѣятельность эта, направленная на человѣка въ тотъ періодъ, когда у него начинается сознательная работа мысли и формируются взгляды, можетъ предохранить русскихъ людей отъ перерожденія въ западноевропейское буржуазное общество съ замирающей духовной жизнью. Чтобы пробудить тамъ эту жизнь, повидимому, нужны уже цѣлыя катастрофы, которыя опровергли бы собой правильность установившихся отношеній къ жизни, и отдаленные предвѣстники которыхъ мало-по-малу уже появляются въ Европѣ.

Н. Кузнецовъ.



ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

Годъ изданія седьмой. **на 1909 годъ** Годъ изданія седьмой.

на еженедѣльный проповѣднический, литературный и религіозно-назидательный журналъ

„ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ“.

Задачи журнала прежнія: дать хорошо подобранный матеріалъ для воскреснаго и праздничнаго чтенія **въ храмѣ, школѣ и семьѣ**, живой, интересный и отвѣчающій на **духовные запросы современной жизни.**

Въ годъ дано будетъ 52 вып. по 32 стр. каждый, всего 1664 стр. Сверхъ того подписчики получатъ безплатное приложеніе—большой разсказъ

Сынъ Каіафы.

(Впервые разсказъ появился въ С.-Американскихъ Соед. Штатахъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ разошелся въ 500.000 экземплярахъ).

Подписная цѣна на журналъ съ приложеніемъ

2 рубля въ годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

Годъ изданія девятый. НА **1909** ГОДЪ Годъ изданія девятый.

на ежемѣсячный иллюстрированный религіозно-назидательный, литературный и публицистическій журналъ

„Отдыхъ Христіанина“.

Въ годъ **12** книжекъ журнала.

Въ теченіе года будетъ дано ДВА БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СБОРНИКЪ** живыхъ апологетическихъ статей въ защиту основныхъ истинъ христіанства.

2) **Художественный альбомъ,** въ который войдутъ картины извѣстнѣйшихъ художниковъ на религіозныя, бытовыя и историческія темы.

На страницахъ журнала будутъ помѣщаться статьи по вопросамъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Особенно широко будетъ поставленъ отдѣлъ апологетическій.

Статьи, направленныя противъ современнаго невѣрія, будутъ объединены подъ общимъ заглавіемъ: **„Вѣра и невѣріе“.** Попрежнему будутъ вестись отдѣлы: **„Да будутъ всѣ едино“, „Отголоски жизни и литературы“** и **„Церковное обозрѣніе“.** Съ наступающаго года будетъ введенъ новый отдѣлъ: **„Обозрѣніе журналистики русской и заграничной“.** Будетъ значительно расширенъ отдѣлъ хроники. Съ большей полнотой будетъ поставленъ библіографическій отдѣлъ, гдѣ читатели найдутъ сообщенія о послѣднихъ новинкахъ богословско-философской литературы.

Прежній составъ сотрудниковъ пополнился участіемъ въ журналѣ профессора Московской Академіи М. М. ТАРѢЕВА.

Подписная цѣна **три** рубля въ годъ съ пересылкой, за границу—**пять** руб., съ „Извѣстіями по С.-Петербургской епархіи“—**пять** руб., заграницу—**семь** руб.; одни „Извѣстія“ не разсылаются и подписка на нихъ отдѣльно не принимается.

(Стоимость приложеній, безплатныхъ при журналѣ, въ отдѣльной продажѣ будетъ не менѣе 3 рублей. Получать отдѣльныя приложенія можно только въ концѣ издательскаго года).

Подписка принимается въ конторѣ Александро-Невскаго общества трезвости: **С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. № 116.**

Плата за помѣщеніе объявленій. Впереди текста: цѣлая страница—50 руб., 1/2—25 р., 1/4—14 р., 1/8—8 р. Позади текста: цѣлая страница—25 р., 1/2—14 р., 1/4—7 р., 1/8—4 р.

Редакторъ Протоіерей *П. А. Миртовъ.*